

"ПЕДАГОГИКА ИСКУССТВА"

№2 2008 год

Стукалова О. В .,

кандидат педагогических наук,
старший научный сотрудник

Института художественного образования Российской академии образования

«Национальные культуры как особые картины мира»: методические рекомендации к циклу уроков в старших классах.

Раскрыть эту тему для старшеклассников лучше всего на материале, который им близок с раннего детства, т.к. данный аспект обращается к самым сокровенным, возможно, неизвестным самому подростку глубинам его личности – коллективному бессознательному. Следовательно, учитель, касаясь вопросов национального космоса, затрагивает наиболее важные для целого народа проблемы – для русского образа мира это, конечно, земля. Раскрыть глубоко эту сложнейшую тему на одном уроке, конечно, не представляется возможным.

Мы предлагаем провести своеобразный цикл занятий, снова и снова возвращаясь к проблемам национальной картины мира. Начать следует с вводной лекции учителя, точнее образного увлекательного рассказа о том, что такое образ земли в русской культуре (на примере литературы).

Текст лекции учителя: «ОБРАЗ ЗЕМЛИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: НРАВСТВЕННЫЙ И ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ».

Эпиграфами урока могут стать русская пословица «Своя земля и в горсти мила» и пронзительные слова из «Слова о погибели земли Русской»: «О, светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская!».

«О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси» («О Русская земля! Ты уже за холмом!» — пронзительным рефреном звучит тоска по родине, вызванная любовью к родной земле, тоска, объединяющая разных по происхождению, социальному статусу, характеру людей — дружинников, воинов, князя. Одно из величайших произведений русской литературы «Слово о полку Игореве» просто пронизано этой тоской, ощущением горя, боли за родную землю, раздираемую алчностью, честолюбием и ложью. Можно сказать, что созданное в конце 12 века произведение открывает одну из ведущих тем русской культуры и, безусловно, литературы — тему земли.

Казалось бы, эта тема связана с политическими, экономическими проблемами, но с литературой, возможно, лишь очень и очень отдаленно. Тем более в своем этическом аспекте. Возможно, это замечание справедливо для других литератур. В русской же — тема земли занимает одно из самых важнейших мест среди проблем, которые анализируют русские писатели в своих текстах. По остроумному замечанию современного писателя В. Пьецуха: «...русская личность издавна находится под владычеством, даже под игом родного слова... мы также безусловно верим в литературу, как наши прадеды в судный день. Возможно, этот феномен объясняется тем, что у нас, так сказать, евангелическая литература...».

Конечно, с ним можно поспорить, но одно здесь очень верно – русская литература, как никакая другая, сумела затронуть особенно глубокие стороны не просто человеческого бытия, а бытия человеческой души, сумела отразить некие трудно объяснимые, еле уловимые, но очень важные моменты осознания человеком самого себя, окружающего мира, своего высокого предназначения в этом мире, своей невидимой, но странным образом ощутимой связи с космосом...

Познавая себя, мы познаем мир и в то же время познавая мир, мы познаем самих себя. Значение самопознания человека настолько велико, что даже наш технократический век и прагматическое, устремленное, в общем и целом, к внешнему комфорту общество начало это понимать – отсюда огромный интерес к философским и психологическим трудам, возникший в последнее пятилетие во всем мире.

«Усилия самопознания небесперспективны уже потому, что до сих пор существует фактор, ... который идет навстречу нашим ожиданиям: это неосознаваемый дух времени, компенсирующий установку сознания и предвосхищающий грядущие перемены» (К. Г. Юнг).

Тема земли – тема, пожалуй, наиболее связанная с такими сложнейшими аспектами гуманитарных знаний, как мифологизм, национальный менталитет, национальный образ мира. По замечанию

того же Юнга: «До сих пор большое искусство черпает свои силы и образы из мифа – того неосознаваемого символического процесса, который продолжается сквозь зоны и, будучи изначальной манифестацией человеческого духа, содержит в себе истоки всех грядущих творений».

В самом слове «земля» для русского человека есть особый сакральный смысл, связанный с такими понятиями: Бог (См., например, отражение народного взгляда на связанность земли и Бога в таких пословицах: Господь повелел от земли кормиться; Бог не родит, и земля не даст, Земля русская вся под Богом! Русским Богом святорусская земля стоит), Родина (включая родное, род), Русь, мать (Мать-сыра земля, Берегиня, которые являются божествами древнеславянского пантеона).

В русских пословицах (Ср. с замечанием Ю.М. Лотмана о пословицах: «Крестьянский уклад жизни овеян своей поэзией: песни, сказки, легенды пронизывают всю атмосферу повествования о народе. Особое место занимают пословицы, в которых выкристаллизовалась своеобразие народной мысли»), сказках, былинах, песнях мы постоянно встречаемся с выражениями какой-то особой признательности, любви к своей земле, вере в то, что она всегда поддержит, поможет человеку в самые роковые, самые страшные минуты его жизни (Герои русских былин обращаются к земле с призывом дать им силы победить врага; мотив «оборотня» (преображения), который является одним из ведущих в сказках, также связан с землей – «прилетел змей, ударился о сырую землю и стал добрым молодцем» («Безногий и безрукий богатыри») Земля становится также и частью колдовства, когда герой возрождается: «Поутру повели коня казнить; отрубили ему голову, кровь брызнула – красная девица заступила ее своею ножкою, а после собрала вместе с землею и разбросала кругом дворца; в тот же день выросли кругом дворца .славные садовые деревья» («Чудесная рубашка»). Любимейший герой русских былин Илья Муромец обладал в народных представлениях особой связью с Матерью-сырой землей.

Примечание: если класс хорошо подготовлен, то целесообразнее предлагать учащимся приводить примеры самостоятельно.

По верованиям древних славян в природе повсюду разлита божественная сила: «она живет в плеске вод, в шелесте листьев, в птичьем гомоне. В предвесенних вздохах земли». Наши предки, чувствуя постоянную близость святых сил, общаясь с ними, находясь в непосредственном контакте, безусловно, получал необходимую каждому человеку уверенность в том, что он не один в этом жестоком и безжалостном мире, в том, что ему помогают в его земных заботах и делах мощные силы природы.

Природа в этом контексте приобретала значение верховного нравственного судьи. Силы природы оказывались носителями правды, они поддерживали на земле право и порядок. Исследователи языческих обрядов древних славян указывают на то, что некоторые судебные обычаи славян опираются на убеждение, что силы природы – мудрые судьи человека. Так, например, на «Божьем суде» раскаленное железо (огонь) или кипящая вода (влага) устанавливали правоту или виновность подсудимых. Таким образом, согласно древним верованиям, силы природы полны вещей силой

Особым значением обладала в системе взглядов наших предков Великая Богиня, изначальное имя которой теряется в глубине веков. По многим свидетельствам, Великая Богиня в древности называлась Берегиней. Само слово «берегиня» означало «земля». Таким образом, Богиня Земли называлась Берегиней, т. е. Землей. У восточных славян Великую Богиню называли еще Житной Бабой, Ладой, Рожаницей, Землей, Славой. Великая Богиня понималась славянами как мать всего сущего. Она изображалась обычно с птицей или расцветающим кустом в руках, вокруг расположены символы солнца – петухи. Эти птицы олицетворяли утро, животворный свет. Представление о Земле было связано с ощущением радости, солнечности, силы, любви...

В то же время в русском представлении Земли сила чувств подчеркивается и странной горечью, парадоксальным образом связанной с этими понятиями.

Приведем такой пример (из сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа»):

Велика святорусская земля, а везде солнышко.

Пословица в сжатой метафорической форме передает восхищение перед обширностью, простором Руси и одновременно перед разумностью устройства этой земли.

Но тут же мы встречаемся и с таким вариантом концовки:

Велика святорусская земля, а правде нигде нет места.

Парадоксальность, противоречивость, какая-то загадочная усложненность вещей, кажущихся другим нациям простыми, — все это и создает феномен русского менталитета, поэтически прозванный «загадочной русской душой». Одним из источников этих противоречий является, с нашей точки зрения, отношение русских к своей земле.

Одно из значительных явлений в русской публицистической литературе 1880 х гг. — цикл очерков

Г. Успенского даже «говорящее» называется «Власть земли».

Власть земли в понимании писателя — та самая сила, которая и является определяющей для таких понятий, как мировоззрение и нравственность крестьян, т. е., собственно говоря, того самого народа, судьба которого — судьба России.

Россия... При этом слове возникает представление о бескрайности, огромности пространства. В то же время история российского крестьянства, трагическая история, неразрывно связана с проблемами земли.

Одним из коренных вопросов, породивших ужасные противоречия, приведшие к кровавой переделке власти, распаду государственного и общечеловеческого устройства, разрушению вековых моральных устоев в 1917 г., стал для русских крестьян вопрос о том, кто хозяин этой земли.

Стремление русского крестьянина к одушевлению своей земли, растворению в окружающей природе, наделению всего, что он видит вокруг, смыслом, и, сильное, определяющее влияние этой земли на характер людей, ее населяющих; монотонные бескрайние ритмы, огромный купол неба, далекий горизонт, преобладание горизонтали в видимом рисунке мира — все то, что Георгий Гачев в своей книге «Национальные образы мира» в наше время обозначил как «вмещающий ландшафт», вступает в непреодолимое противоречие с бесправным положением людей, живущих на земле, с ограничением их стремления жить так, как им кажется правильным и естественным, с постоянным диктатом «класса владельцев, порождающим бесперспективную, бессмысленную и нелепую «психологию раба».

Человек, живущий на земле, в силу жестоких в своей глупости и косности, абсолютно неразумных государственных законов, оказывается оторванным от своей земли, перестает быть ее хозяином — в итоге создается новый тип людей, людей без завтрашнего дня, выросших в обстановке распада семьи, распада традиций.

Таким образом, возникает стойкое убеждение: народ обладает силой, народ крепок и жизнь его осмысленна до тех пор, пока сила земли имеет над ним власть (вспомним русских былинных богатырей, взывающих за помощью к матери — сырой земле). Оторванность от земли, порождающее стремление к легкой жизни, легким деньгам, а далее деньги становятся объектом рабского поклонения, заменяя собой Бога — развращает крестьянина, «...разрывает тысячи нитей, связывающих с землей все крестьянское существо, и приводит к появлению деревенских пролетариев, зачастую не знающих, куда себя деть, как распорядиться вдруг возникшей свободой».

Тема земли не теряет свою актуальность, кажется, даже с каждым годом она становится все острее и больней для России.

Эта тема связана со многими самыми главными вопросами русской жизни: взаимоотношения народа и интеллигенции, нравственные установки на сознательное отношение к жизни, проблемы справедливого землеустройства...

Вопрос о пути России, ее предназначении в мире — тоже часть неразрывной цепи: земля — Родина — русский человек.

В чем истинность и правильность этого пути — в особости, обособленности, обращенности к традиции, укреплении позиций национального своеобразия — или в заимствовании технологических открытий, философии здорового прагматизма, практицизма, установок на соблюдение сознательного порядка и законности прав каждого индивидуума у Запада?

Об этом спорили в России, наверное, со времен Петра Первого — и продолжают спорить в наши дни. Славянофилы и западники, почвенники и либералы, «Октябрь» и «Новый мир» — список сил, противостоящих друг другу в вопросе о пути развития России, в наши дни стал еще шире: сегодня его пополнили партии всех мастей и оттенков — от цветов российского флага до красного и коричневого.

Примечание: на следующем уроке учитель может предложить провести дискуссию, в которой учащиеся должны будут обсудить проблему земли в историческом и современном аспектах.

Материал для дискуссии:

Интересно, что при этом в России всегда существовали сторонники «третьего пути» взаимоотношений с Западом. Идея «синтеза» возникает в умах В. Ф. Одоевского, А. И. Герцена и др. отечественных мыслителей. Но одновременно с пониманием возможности такого синтеза появляется горькое ощущение, что такой синтез может быть только «дурным». Фактически идее о возможности в России «дурного синтеза» с Западом (романо-германской цивилизацией) посвящена знаменитая книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Рассматривая проблемы сосуществования, взаимовлияния и преемственности культурно-исторических типов, Н. Я. Данилевский особо отмечал и случаи «исторической патологии» при взаимодействии разных культурных типов. Одним из примеров такой «патологической прививки» Данилевский называет Польшу, а конкретно такой феномен, как «польское шляхетство», — продукт «дурного симбиоза» романо-германского аристократического начала и начала славянско-демократического:

«Германский аристократизм и рыцарство, искажив славянский демократизм, произвели шляхетство; европейская же наука и искусство, несмотря на долговременное влияние, не принялись на польской почве так, чтобы поставить Польшу в число самобытных деятелей в этом отношении» (Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Олимп, 1991. С. 126).

Кстати, существует некая политологическая традиция интерпретировать именно Польшу в качестве образца «дурного синтеза» Востока и Запада. Так, именно пример Польши с ее шляхетством был выбран Монтеスキе для демонстрации разницы между негативной «независимостью индивида» в симбиотическом польском варианте и позитивной «свободой личности» европейского образца.

Естественно, для Данилевского неудачный пример цивилизационной «прививки» в Польше является лишь поводом для изучения возможности «озападнивания» («вестернизации») России: «Прививку европейской цивилизации к русскому дичку хотел сделать Петр Великий... Но результаты известны: ни самобытной культуры не возросло на русской почве при таких операциях, ни чужеземное ею не усвоилось и не проникло далее поверхности общества; чужеземное в этом обществе произвело ублюдков самого гнилого свойства: нигилизм, абсентеизм, шедоферротизм, сепаратизм, бюрократизм, навеянный демократизм и самое новейшее чадо — новомодный аристократизм а la "Вест", вреднейший из всех измов» (Там же. С. 126).

Уже в нашем веке традицию Данилевского продолжил Л. Н. Гумилев, имевший возможность описать в истории России новейшие проявления «дурного синтеза» России с Западом: «Механический перенос в условия России западноевропейских традиций поведения дал мало хорошего, и это неудивительно. Ведь российский суперэтнос возник на 500 лет позже. И мы, и западноевропейцы всегда это различие ощущали, осознавали и за «своих» друг друга не считали. Поскольку мы на 500 лет моложе, то, как бы мы ни изучали европейский опыт, мы не сможем сейчас добиться благосостояния и нравов, характерных для Европы. Наш возраст, наш уровень пассионарности предполагают совсем иные императивы поведения» (Гумилев. С. 299.).

О ловушках «догоняющего развития» России по отношению к ушедшей вперед Европе писал и С.М.Соловьев. В своих «Публичных чтениях о Петре Великом» он находит весьма интересную точку зрения для рассмотрения проблемы культурно-исторического синтеза.

С. М. Соловьев обращает особое внимание на различие между наследованием Западом традиций классических и (что особенно важно) уже мертвых культур и более опасной перспективой для России сделаться объектом принудительной «аккультурации» со стороны культур живых, способных оказывать на нашу страну энергичное давление, в том числе и в военно-политической области: «Важная выгода для западноевропейских народов заключалась здесь в том, что они имели дело с законченной деятельностью народов уже мертвых... ученик, получивши от школы побуждение и средства к умственному развитию, мог легко приступить к самостоятельной деятельности, пойти дальше учителей. Но этих выгод не было для русского народа, начавшего гораздо позднее свой переход в возраст умственного развития; он должен был обратиться к народам живым, брать от них живых учителей, следовательно, подчиняться влиянию живой чуждой национальности или национальностей...».

Для русского народа, продолжает С. М. Соловьев, существовала «и другая невыгода: он должен был иметь дело с учителями из чужих живых и сильных народностей... юный народ, долженствовавший заимствовать у них плоды цивилизации, осужден был гнаться за ними без отдыха, с страшным напряжением сил. Ему не давалось передышки, досуга передумать о всем том, что он должен был заимствовать, переварить всю эту обильную духовную пищу, которую он воспринимал» (Соловьев. С. 462–463).

Серьезным вкладом в исследования «дурного синтеза цивилизаций» явились рассуждения русского философа В. Ф. Эрн о «ритмах» и «перебоях» (аритмии) в национальном историческом развитии. У каждого народа, по мнению В. Ф. Эрн, есть «внутренний ритм своей жизни»: «Все заимствования и все научения от других национальных культур идут во благо ему, если находятся в гармонии с этим ритмом или претворяются им». Но как только начинается «насильственная прививка или форсированный ввоз — в жизни народа обнаруживаются расстройства. Различие ритмов, насильственно соединяемых, вызывает мучительные перебои. Эти перебои могут приводить к тяжелой трагедии».

В другой работе В. Ф. Эрн писал: «Западная культура, врываясь в истинно русский ритм жизни, вызывает огромные «возмущения» духа. Она захватывает часть русской стихии, и борьба переходит на русскую почву, становится внутренним вопросом русского сознания и русской совести. Там, где идет свалка борьбы, неизбежно получается замутнение, какое-то взаимное нейтрализование... Там, где река вливается в море, получается некая полоса смешанной воды, в которой нет ни чистоты речной «субстанции», ни настоящего морского состава».

Заключение:

Тема земли продолжает оставаться одной из острейших в русской общественной жизни. Ведь справедливое или, по крайней мере, разумное землеустройство могло бы если не разрешить, то

все же смягчить те противоречия, которые породила пореформенная экономика в России. Но интересно, что, несмотря на все противоречия и контрасты, самые искренние и глубокие мыслители и творцы приходят к одному — к пониманию и восхищению перед удивительной силой и мощью России и ее народа, к вере в ее нравственное и экономическое возрождение. Лучше всего эту мысль выразил, наверное, Н. А. Некрасов в стихотворении «Железная дорога»:

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что господь ни пошлет!
Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.

Мы оборвали знаменитую цитату на этом месте – посредине строфы – ведь заканчивается она довольно грустно:

Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется ни мне, ни тебе.

Мы же надеемся, что выход из национальной западни – разрешение больной темы России — темы земли случится гораздо раньше.
Надеемся и очень в это верим...

Список литературы

- Белякова Г. С. Славянская мифология. М.: Просвещение, 1995.
Гумилев Л. Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М.: Книжная палата, 1992.
Даль В. И. Пословицы русского народа: В 3 т. М.: Русская книга, б/объявления.
Лотман Ю. М. Идеальная структура «Капитанской дочки» // Пушкин. СПб: СПб-Искусство, 1995.
Русские народные сказки. М.: Правда, 1982.
Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Мысль, 1980.
Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Мысль, 1989. С. 462–463.
Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Просвещение, 1978.
Юнг К. Г. Настоящее и будущее // Божественный ребенок. М.: Олимп, 1997.